

МАГИЯ ФЭНТЕЗИ

Книги Кирилла Клеванского
в серии

МАГИЯ ФЭНТЕЗИ

КОЛДУН. ЧУЖОЕ СЕРДЦЕ

КОЛДУН. ГЕНЕЗИС

КОЛДУН. ПУТЕШЕСТВИЕ НА ВОСТОК

КОЛДУН. ЗЕМЛЯ, КОТОРОЙ НЕТ

Кирилл КЛЕВАНСКИЙ

КОЛДУН.
ЗЕМЛЯ, КОТОРОЙ НЕТ

Роман

Москва, 2014
ЭАРМАДА
&
«Издательство АЛФА-КНИГА»

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5
К48

Серия основана в 2004 году
Выпуск 525

Художник
С. А. Григорьев

Клеванский К. С.

К48 Колдун. Земля, которой нет: Фантастический роман. — М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2014. — 313 с.: ил.— (Магия фэнтези).

ISBN 978-5-9922-1735-3

Десять лет бывший землянин, ныне известный как Тим Ройс, прожил на Ангадоре. За это время он успел изведать многое. Клинки нимийских солдат и огонь Мальгромской крепости. Клыки тварей из пещер Харпуда, когти вампиров из Цветущих холмов. Ярость бури в Рассветном море. Но даже гнев огнедышащего дракона не сломил его. Сможет ли это сделать арена Териала, где бывший наемник примерит роль гладиатора?

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

ISBN 978-5-9922-1735-3 © Клеванский К. С., 2014
© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2014

ПРОЛОГ

Позвольте представиться — Тим. Кто-то знает меня как Тима Ройса, кто-то — как Зануду, другие вообще не догадываются, как меня зовут. Парочка мертвых охотников, где бы ни находились их души, до сих пор считают меня Туфатом Гарумом. Есть еще, как я надеюсь, тысячи людей, слышавших песни тенесов — алиатских бардов, где обо мне рассказывается как о Безумном Серебряном Ветре, повергшем дракона. Нет, дракона я действительно одолел, но, право же, кому понравится столь вычурное и пафосное имя? Уж точно не мне. А есть даже те, кто знают меня под именем кронгерцог Тим эл Гериот. И, что весьма странно, таких людей теперь уже весьма немало. Кто же я на самом деле? Выбирать вам. В конце концов список немалый, и из него наверняка что-то да придется вам по душе.

Моя история? Не могу сказать, что она была какой-то невероятной, отличающейся особой оригинальностью или завихрениями судьбы. Началась она давно, может, девять или десять лет назад. Как раз в тот момент, когда деревенский парнишка по имени Ройс решил утопиться, а питерского студента по имени Тим сбила машина. Тогда я и попал в этот мир — Ангадор. Вынужден признать, не уверен, какая перспектива мне больше по душе — ад, рай или Ангадор. Но тем не менее.

После весьма неприятного попадания последовал целый ряд различных приключений и даже зло-

ключений. Сперва я угодил в рабство, потом на целых пять лет загремел в ученики к психованному маньяку по кличке Добряк. Затем был год войны, изрядно подпортивший целостность казенной тушки.

Казалось бы, отставной наемник должен где-нибудь осесть, но мне приспичило отправиться в Академию постичь азы магии. Именно азы, так как выяснилось, что я весьма посредственный маг, да и окончить удалось лишь первый курс. Диплом я, разумеется, так и не получил.

Уж здесь-то вы всяко скажете, что нужно было искать тихий городок с сытным местом и непыльной работой. Но нет. Меня, словно гонимое ветром перекаати-поле, понесло на восток, в Алиат. В эту страну я должен был доставить Лиамию Насалим Гуфар, дочь визиря. Вполне возможно, мне не стоило срывать свадьбу этой самой дочери, а потом еще и попадать в ловушку к своим друзьям. Но, так или иначе, моя предыстория заканчивается в тот миг, когда я потерял сознание в долине. В долине, где трава морем до горизонта, где небо синее, будто акварельная краска, пролитая на чистый лист, а в вышине под пение птиц и свист ветра из облаков выплывают летающие острова.

Да, здесь предыстория заканчивается и начинается новая история.

Глава 1 ВО СЛАВУ ТЕРМУНА

Империя, где-то под землей

По рукаву шахты шел человек. Именно шел, а не шествовал, что соответствовало бы его высочайшему положению. Случайный прохожий увидел бы в этом разумном почтенного, но мощного старца с явно военной выправкой. Но, несмотря на положение, одет посетитель шахты был весьма просто. Строгий камзол без каких-либо украшений, погонов или даже медалей, коих в ларце, спрятанном в одном из дворцовых тайников, лежало бесчисленное множество. На ногах помятые, избитые, но все еще блестящие ботфорты, подошвы которых извели немало стремян и истоптали сотни дорог. Под ремнем — обычные кожаные штаны, такие можно купить за пару серебряников в любой ткацкой или кожевенной лавке.

Ничто не выдавало в этом человеке первого мага страны, друга императора почившего и старшего советника — нынешнего. И уж тем более, даже пристально взглядевшись в этого странника, никто не сможет подумать, что он держит в своем кулаке ключ к судьбам почти всего мира. А может, и всего.

Впереди зазвучал приглушенный стук металла о камень, слышались резкие грубые крики. Советник ускорил шаг. Его седые волосы заблестели в свете масляных ламп, подвешенных в этом рукаве. Вскоре за поворотом показалась лестница. И если вы полагаете, что это

была приставная деревянная лесенка, ступени которой держатся на честном слове и паре мотков войлочной веревки, то вы сильно ошибаетесь. Это была цельная каменная лестница, вырубленная в скале и уходящая вниз, к плато, мерцающему в огнях, пляшущих на золотых прожилках в своде и стенах.

Едва странник ступил ногой на ступени, как звуки работы и голоса стихли. К посетителю заспешил коренастый мужчина, один из немногих, кто не держал в руках мешок, кирку, кувалду или жестяные ручки массивной тачки. Впрочем, внимание советника было приковано скорее к лестнице, чем к главному шахтеру, коим являлся этот плечистый мужчина с жестким взглядом карих глаз.

Каждый шаг по каменным ступеням словно отзывался тысячами лет истории. Каждый вздох будто сотрясал веки целого мира, сокрытые от обычных разумных и их летописцев. Все плато, вся огромная пещера, теряющаяся во тьме, были пронизаны мистерией столь таинственной и ужасной, что от самого этого места веяло смертью. Но две сотни копателей, работающих здесь, ничего не замечали, слишком изнурительным был их труд.

— Советник Гийом, — склонил голову главный шахтер. — Мы ждали вас.

— Конечно, ждали, раз уж послали за мной, — фыркнул маг.

Шахтер вздрогнул и побледнел. От него разило страхом перед визитером.

— У вас есть что сказать?

— Д-да, разумеется, прошу вас. — Шахтер протянул руку и указал туда, где самая толстая и яркая золотая прожилка упиралась в скалу.

На миг в темных глазах главы одного из аристократических родов отразилось нетерпение, граничащее с безумием, но вскоре этот отблеск померк. И все же Гийом чересчур быстро зашагал в указанном направлении. Слишком сильно веяло от него предвкушением, которое испы-

тывает марафонец при виде заветной ленты. Каждый из присутствующих здесь чувствовал это, и оттого становилось еще страшнее.

Всего за три минуты советник пересек плато и оказался перед стеной, где терялась жила. Тяжело и отрывисто дыша, Гийом пригляделся и увидел в трещине самую тьму. Но меньше чем через удар сердца тьма обернулась чернотой неведомого металла, от которого так и тянуло волшебством столь древним, что о нем не осталось даже легенд и преданий. Волшебством, навсегда потерявшимся в хитросплетении чернильных рун летописей.

— Сквозь тьму золотая нить приведет к Вратам, — еле слышно прошептал старик, водя рукой по трещине. Он закинул голову вверх, и свет его глаз чуть угас. Если это и есть те самые Врата, то они просто огромны. Десять... нет, дюжина метров в высоту и пять в ширину. То есть по два с половиной на каждую створку, а времени так мало.

— Сколько? — рявкнул маг, заставив вздрогнуть всех, кто слышал этот мощный низкий голос. — Сколько времени вам потребуется?

— С-семь, м-может, вос-семь сезонов. — Главный шахтер съезжился и попытался скрыться в тени.

Раздался щелчок, и Гийом, стоявший в десяти метрах от коренастого прораба, вдруг оказался вплотную к нему. Он навис над ним, как маяк над морской гладью. Главный шахтер сглотнул и стянул с себя подобие рабочей каски.

— Даю вам пять, — спокойно прошептал советник. Но лучше бы он кричал, потому что этот шепот был страшнее рева разбуженного дракона. — И если не справитесь...

— С-справимся, — закивал головой местный начальник. — Чтоб м-мне в бездну провалиться — с-справимся!

— Хорошо. Потому как если нет, ваше желание будет исполнено.

Аристократ, в последний раз взглянув на трещину, развернулся и зашагал прочь с плато. Шахтер же, облегченно вздохнув и утерев со лба выступивший пот, вдруг

расправил плечи и посерьезнел. Обернувшись к работникам, он, подобно грому, рыкнул на них. Тут же закипела работа, застучали кирки, кувалды и молоты. Стали трещать мешки, наполняемые породой, и скрипеть колеса нагруженных тачек.

А советник все удалялся, скрываясь во тьме, прореживаемой угрюмым светом ламп. Редкие отблески освещали предвкушающую ухмылку на лице, испещренном морщинами. Осталось всего пять сезонов до того дня, как откроются Врата и мир вздрогнет при одном лишь слове «император». И пусть сам советник этого уже не увидит, они с другом будут вместе с небес наблюдать за тем, как вновь засияет блеск бесконечной Империи. Всего пять сезонов до смерти и до безумной мечты, которая вдруг обернулась реальностью.

Тим Ройс

Наверное, стоит описать, как я себя чувствовал в последние несколько мгновений. Но нет достойных эпитетов, метафор и сравнений для той палитры красок и чувств, в которые меня погрузили с головой. Очнулся же я резко, как если бы кто-то повернул рубильник и попросту включил теряющееся в бездне сознание.

Первое, что я увидел, — потолок. Наверное, в своей жизни я видел сотни, если не тысячи потолков. Были и цветастые, и белые как полотно, и золотые, и мраморные, но этот казался самым обычным из всех, что я видел. На сером камне виднелись прорехи черных трещин, а где-то в центре висела масляная лампа с танцующим в ней огоньком. Помещение напоминало обычную деревенскую кухню.

— Саим го! — резанул слух чей-то крик.

Я чуть приподнял голову и увидел старика. Он был одет в свободные одежды, как принято у бедуинов. Через плечо перекинута накидка, составляющая почти весь его наряд. Руки покрыты черными пятнами, а кожа напоминает измятый пергамент.

Старец заметил, что я очнулся, и повернулся, вперившись в меня ярко-зелеными глазами. В глубине агатовых зрачков плескалось нечто пугающее, словно мне довелось взглянуть в лицо демону.

— Хэми го эпаста, — произнес он с легкой усмешкой.

— Кто вы такой? — спросил я на имперском языке, самом известном на Ангадоре.

Старик замер, а потом снова отвернулся. Я проследил за его взглядом и увидел еще одного старика, сидевшего в углу помещения. Он был полной противоположностью первого. Узловатые, все еще крепкие мышцы рук, а лицо, несмотря на строгость, простое и не внушающее никакой опаски.

— Хэви? Луан, Зуфа, хэв лис гургам?

Насколько я понял из этой весьма мелодичной тарбарщины, сидящего в углу старика зовут Зуфа. Не самое звучное, но вполне приемлемое имя.

— Лаэс морге, — пожал плечами Зуфа.

Я перебирал в голове все слышанные мной языки, наречия и диалекты. Наконец что-то щелкнуло. Мне уже доводилось слышать этот язык. Тогда — кажется, в прошлой жизни, — после кораблекрушения, когда меня и корабль прибило к берегу острова. А на том острове, наткнувшись на храм, я попал в пещеру, где и слышал этот язык. Но ведь в тот раз я смог его понять и даже изъяснялся на нем, почему же сейчас не в состоянии даже слова разобрать?

— Как мне с вами говорить? — спросил я на языке подгорного народа.

— Лис кавейн ис оскорбить?

— Быэтки нет.

От удивления я чуть воздухом не подавился. На миг мне показалось, что в окончании фраз я услышал знакомые слова, складывающиеся из знакомых звуков.

— Как вас понять? — задал я вопрос, используя алиатский.

— Да нумо эс вообще лис полиглот искать? — Первый старик явно начал сердиться.

— Экос. — Зуфа лишь ткнул пальцем себе под ноги.

Я же все пытался разобраться в своей голове. Всплывали звуки, вместе с ними — тусклые, расплывчатые, словно гонимые ветром, образы. Мне казалось, что я знаю этот язык, что это вообще первый язык, который я узнал в этом мире. Но вспомнить было сложно. Все равно как если в школе ты учил английский и вполне владел им, но в первый раз применил на практике только пять лет спустя. Вроде все понимаешь, все знаешь, но звуки расплываются, теряя смысл и значение.

— В гьюгос свой харбо? — усмехнулся стоявший рядом дед.

— Эки.

— Канализация ползать?

Я ощутил легкую нотку радости, осознав, что целиком и полностью разобрал хоть одну фразу.

— На земля летать.

— Э хуув эс роа... Он — с земля?

За первой последовала и вторая, и я понял, что стоит попытаться что-то произнести.

Но дальше полился какой-то безумный, слишком быстрый диалог, который все еще казался мне тарабарщиной. Я же словно ворочал в своем разуме многотонные камни, пытаясь приоткрыть заваленный ими родник знания. По капле тайны чужого, но слишком хорошо знакомого языка проникали в меня. Звуки складывались в слова, но те больше не казались бессмысленным набором, они несли в себе пока еще неясные, но уже образы. Наконец я осмелился открыть рот.

— М-маг-гия? — Язык будто одеревенел, даже собственным слухом я различил ужасный, почти непригодный для восприятия жуткий акцент.

— Что? — Старец, стоявший рядом со столом, на котором я лежал, нагнулся чуть ближе. — Магия? Что это за отрыжка демона — этот твой магия?

Всего доля мгновения потребовалась, чтобы осознать, что на Ангадоре нет человека, не знающего о волшебстве. Догадка, пронзившая меня, была столь опасна и невозможна, что я мигом попытался вскочить на ноги, но на лоб мне легла морщинистая, шершавая рука старца. Глаза сами собой закрылись, а мир вновь подернулся мглой.

В этот раз пробуждение оказалось не из приятных. Ведь что приятного в том, что тебя будят мощным пинком? Хорошо хоть это был не армейский сапог и даже не ботфорт с мыском из толстой кожи, а скорее тканевый мокасин. Но ребра все равно взвыли и натянуто скрипнули. Открыв глаза, я увидел тех, кого никогда не любил ни на Земле, ни на Ангадоре. Служивые. Их легко узнать, будь ты на любой планете в любом измерении.

Эти чуть нагловатые глаза, одинаковая неброская одежда с парой ярких опознавательных знаков, простое боевое оружие. Незыблемые законы работали и сейчас. Предо мной стояли двое высоких мужиков, затянутых в черную кожаную броню со стальными клепками на плечах и предплечьях. В руках они держали стальные пики.

— Встать! — гаркнул тот, что слева. Значит, и будет Левым.

Я встал. Когда служивый говорит вам что-то сделать, лучше сделайте, потому как конфликт в любом случае окончится не в вашу пользу.

— Взять! — скомандовал тот, что справа. Как вы уже поняли, он станет Правым.

Я на автомате протянул руки, да так и замер. Правый передал мне предмет, не узнать который не представлялось возможным: мои простецкие ножны из двух полосок кожи, скрепленных войлочным ремешком. Но что удивительно, в этих ножнах лежали мои сабли, добытые при осаде Мальгрома. Я даже несколько опешил. Чтобы служивый сам возвращал оружие... Это куда же меня занесло? Помню только, что очнулся в долине, а там, в облаках, плыли острова...

Вы, наверное, уже все поняли. Понял наконец и я. Тяжело вздохнув, я принял оружие, закрепил его на поясе и пошел вслед за Правым и Левым, которые красноречиво потребовали это сделать. Ведь говорили же мудрые люди — бойся желаний, осторожнее с ними, могут сбыться, но я не слушал. Вот и попал, причем во второй раз. Да не куда-нибудь, а в долину Летающих Островов. Ну прямо мечты сбываются! Сейчас бы еще букву «Г» с голубым огоньком, и можно рекламу снимать.

Гвардейцы, или как они здесь называются, встали по обе стороны и, вздернув пики к небу, повели меня на выход. Дверь, через которую мы выходили, меня поразила. Самая простейшая, даже без металлических скоб. Просто скрепленные деревянными штырями длинные доски, через которые просвечивает улица.

Будучи истинным джентльменом, я обернулся и поклонился двум все еще спорящим о чем-то старичкам. Не сомневайтесь, я бы и шляпу снял, но таковой при себе не обнаружил. Вот так и теряются подарки. Наверное, старик Луний, приютивший нас с Мией на хуторке, был бы недоволен этой утратой.

Покинув прохладные сени, я тотчас зажмурился. Светило солнце. Ярко, нестерпимо, совсем не как в Великих песках, в порту Амхай или в столице Алиата. Здесь оно било метко и безжалостно, не оставляя ни шанса на спасительную тень, даруемую случайным облаком. Хотя бы просто потому, что облака скорее всего плыли под островом.

Когда же я открыл глаза, то невольно замер на мгновение, за что получил ощутимый тычок под колено древком стальной пики. Я дернулся, выругался и зашагал дальше. Будь я на Земле, сказал бы, что попал в древний Вавилон или во дворец Соломона. То, что предстало взору, нельзя назвать иначе, кроме как захватывающим дух чудом архитектурного гения.

Мы шли по первому ярусу огромного комплекса, уходящего спиральными завитками к самой вершине острова. Под нами была лишь каменная брусчатка, а вот над

нами... Сады, полные изумительных цветов и ярко-зеленых деревьев с густыми кронами. Каналы с кристально чистой водой и разноцветными рыбками. Мосты, идущие от уровня к уровню. Живописные дома из белого мрамора, но с простыми дверьми. Статуи и фонтаны, скамейки и скверы, улочки и переулки, проспекты и мостовые, покатые крыши и фундаментальные здания — все это имелось здесь, завиваясь лентой туда, к вершине. Как мне показалось сперва, конус был увенчан дворцом или храмом, но до чего же я был неправ...

И все-таки главной достопримечательностью оказались люди. Самые разные — чернокожие и светлые, высокие и низкорослые, толстые и подтянутые... Всех их объединяло одно — горящие глаза и радостная улыбка. А их простые, свободные одежды в стиле бедуинов первого земного тысячелетия поражали воображение цветастостью и безупречной в своем безумии узорчатостью.

В какой-то момент мы влились в общий поток. Среди шлепанья кожаных сандалий я изредка мог различить звуки стального каблука или жесткой подошвы. Прикрыв лицо от палящего, но довольно ласкового солнца, я пытался впитать в себя эту атмосферу. Она была не то что праздничной — скорее невесомой, легкой и приятной, будто ты попал на экскурсию в какую-то общину. Очень маленькую, замкнутую в себе, но вполне функциональную и счастливую.

Я дышал свежим ароматом трав и цветов, подставлял лицо бодрящему ветру, приносящему с собой шепот танцующих крон, краем уха слышал далекий звонкий смех и отзвуки музыки. И все никак не мог отойти от шока. Казалось, миг назад я был привязан к колышку в пещере, а сейчас...

И тут меня как молотом ударило. Мысли понеслись вскачь, сменяя один образ другим. Вот я прощаюсь с Мией, обещаю, что явлюсь в условленное время на условленное место, дабы вместе совершить побег. Вот я иду на встречу с друзьями, а потом... Потом я здесь.

Холодная дрожь пробрала меня, напоминая о том, что я непонятно где, непонятно почему, но все же надо отсюда выбираться. Мечты прекрасны, когда смотришь на них издалека, а не когда тебя ведут под белы ручки военные, а каждый прохожий с удивлением тычет в тебя пальцем.

Для меня эти люди были столь же странны и необычны, как и я для них. Но это не мешало смеющимся детям, идущим с нами по мостикам над каналами, переходам и крутым лестницам, теревить меня за руки и штанины, что-то щебеча. Их быстрая речь перемешивалась со смехом, и мне почти не удавалось разобрать слова. Я только и делал, что улыбался в ответ, опасаясь нечаянно об кого-то из них споткнуться. В такой толпе не скрыться, а стражники смотрели на меня предостерегающе, но почему-то с завистью. Этого моему шокированному, опутанному туманом сознанию не понять. Как может тюремщик с завистью смотреть на заключенного? Бред — вот то единственное слово, которое волоком тянуло меня в бездну сомнений.

Но разгоряченный разум все пытался освободить тело от эфемерных оков. С каждым шагом я видел сотни вариантов немедленного и дерзкого побега, но каждый в моем представлении оканчивался трагично. Меня либо пронзали копьем, либо добивали стрелой, либо я терялся в хитросплетении городских уровней и натывался на местных бандитов. В наличии последних я не сомневался, они есть в любом социуме, даже самом мелком.

Я вновь получил удар под колено, неудачно замерев на краю мостовой. Там, за кованными перилами, простиралось море. Но не синее, голубое или почти черное, как в страшный шторм, пережитый мной не так давно, а белое. Да-да, пушистое белое море. В нем вздымались огромные валы, похожие на величественные, древние холмы, простирались долины и разрезали синеву острые скалы. Остров плыл и по лицу нещадно бил ветер, но я все никак не мог оторвать взгляд от бескрайнего странства, закутанного в белоснежный облачный саван.

Мое внимание привлекли черные точки, которые стремительно приближались, паря на ветру. Сперва я подумал, что это птицы. Точки все увеличивались в размерах, и вскоре я понял, что это люди. Они использовали нечто вроде дельтаплана, только он был деревянный, невероятной конструкции и дико цветастый, как, впрочем, и все вокруг.

Летуны, приземлившись среди толпы, как ни в чем не бывало сложили свои махины, приставив их к бортикам, и влились в поток людей. Как я понял, здесь летать умели все, ну или почти все, что неудивительно, если учесть, где находится этот остров.

— Идти. Живо! — гаркнул Левый, одоблив указание очередным тычком.

Я как мог свирепо вперился своими глазами в его, но Левому было безразлично. Он лишь ткнул пальцем в сторону виднеющегося на вершине храма овальной формы:

— Время кончаться. Быстро, живо!

Я вздохнул и постучал себя по вискам. Сознание слишком причудливо играло с малознакомым языком. Я все равно что попал в книгу Фенимора Купера и общался с вождями Черное Перо или Резвое Копыто. Требовался срочный и незамедлительный эксперимент.

— Куда вы меня ведете? — проговорил я тяжелым, неповоротливым языком, а глотка издавала столь непотребный акцент, что даже мне себя противно было слушать.

Левый с Правым и вовсе скривились. По красноречивым усмешкам я понял, что сопровождающие воспринимают мою речь примерно так же, как я — их. Весьма любопытно было бы продолжить эксперимент, но очередной тычок содрал кожу с чувствительного места.

— Молчать, идти, там узнать, — довольно гаденько, но с тонной зависти в голосе ответил Правый.

Поскольку сознание отказывалось принимать реальность за чистую монету, я покорно побрел дальше. В голове все еще роились десятки идей, связанных с побегом,

но я понимал, что не умею летать на местных дельтапланах, следовательно, рискую разбиться. В таких ситуациях, если следовать науке Добряка, моего покойного учителя, нужно выжидать. И со временем организовать массовую диверсию, под шумок которой можно хоть казну с собой прихватить. Что ж, значит, буду выжидать, если, конечно, в том храме меня не собираются принести в жертву местным богам. Согласитесь, после всех злоключений и приключений, в ходе которых я воевал, осаждал крепости, сражался с тварями, магами, охотниками, бурей, драконом и прочими напастями, смерть в качестве безвольной жертвы выглядит очень нелестно. Нет, богам было бы приятно, а вот мне... не думаю.

Покачав головой от досады и безысходности, я продолжил путь. С каждым шагом я убеждался, что все еще нахожусь на Ангадоре. Подобные ощущения не объяснить словами, но я все же попытаюсь. В некоторых жестях людей порой мелькали знакомые движения, фасады домов и мощные тротуары напоминали улицы Сантоса — столицы Империи. Порой даже в словах я слышал вполне «родные» интонации и ударения. Все было таким привычным, что в какие-то секунды мне чудилось, будто я на границе с Нимией и, быть может, сплю в шатре, покада вокруг идет война. Но все же это не сон, а значит, тут происходит нечто странное. На долю мгновения мелькнула мысль о том, чтобы задержаться на островах и все выяснить, но потом я вспомнил о красавице-смуглянке, так и не дождавшейся меня в цветущем саду. С левой стороны сжалось недавно приобретенное сердце. Наверное, задерживаться все же не стоит.

Вскоре мы добрались до вершины. Я взглянул вниз и вновь обомлел. Каждый уровень утопал в зелени, шуршащей на небесном ветру. Каждая дорожка являла собой переплетение фигурно выложенной брусчатки, каждый канал был полон чистой воды и самых разнообразных ее обитателей. Тут и там летали птицы, оглашая пространство криками и хлопаньем крыльев.

— Шевелись, — необычайно грозно приказал Левый.

Уклонившись от очередного тычка, я повернулся и... замер. О все боги небес и демоны бездны! Это был не храм — это был Колизей! Хотя нет, арена древних римлян явно проигрывала местному сооружению, необычайному в своей монументальности. Высотой метров семьдесят... нет, даже восемьдесят, что на двадцать метров больше самой известной арены Рима. Среди коричневого камня, фигурного барельефа и статуй неизвестных мне прекрасных женщин виднелись высокие щели-аркады, и уже сейчас сквозь них на таком расстоянии я слышал крики толпы и скрежет стали. А сквозь гомон толпы — далекий гогот скрежещущей стали.

Сердце, словно пес, давно не видевший хозяина, лишь почуяв музыку войны, забилось быстрее и ритмичнее, будто изображая призывный зов боевого барабана. Руки вздрогнули и мигом легли на холодные рукояти сабель, прошедших со мной огонь и воду в самом прямом смысле этого слова. По лбу прокатились капли пота, спина выгнулась дугой.

— Гладиатором я еще не был, — прошипел я себе под нос и, сжав зубы, поплелся вперед, подгоняемый Левым и Правым.

Когда мы отделились от толпы, которая двигалась в сторону одной из арок, народ начал буквально бесноваться. Они кричали что-то в мой адрес, махали руками, даже подбадривающе аплодировали. Я не понимал, с чего это вдруг такое отношение и почему мои стражи стали совсем черны и угрюмы.

Мрачные гвардейцы отвели меня к незаметному спуску в недра исполинской арены. Отворили крышку из трухлявого дерева, всунули в руку факел, зажгли свои, и мы отправились дальше. Воздух здесь был затхлый, спертый, провонявший застарелым потом и железным ароматом крови. Этот аромат я бы узнал где угодно, он одновременно пугал и бодрил похлеще лучшей крепленой наемнической браги. Едва уловив его, тело напряг-

лось и выпрямилось в натянутую тетиву ростового лука. Все мысли отсекло.

Я не знал, почему меня отправляют на арену, не знал, как здесь оказался, и пока только догадывался, как выбраться из западни, которой стала моя собственная мечта, но кое-что я знал точно. Спустя какое-то время мне снова придется с кем-то схлестнуться, дабы вырвать у Темного Жнеца еще пару глотков воздуха. Что ж, это не так уж плохо.

Мы куда-то свернули, и я смог наконец разглядеть местный антураж. Высокие стены, древний потолок с облетевшей известью, каменный пол, эхом отзывающийся на наши движения. Все выглядело абсолютно непритязательно, было сделано очень просто, но в то же время на века. Мне даже показалось, что все в этом городе создано по такому принципу.

С каждым шагом я все более сосредотачивался на предполагаемой схватке, а вот стражи становились все угрюмее. В их глазах теперь светилась не только дикая зависть — в них читалось разочарование гвардейцев, причем в самих себе. Не знаю, что вызывало такие эмоции, но отчего-то мне это не нравилось. Что-то во всем этом не так. Мой нюх бывшего наемника взвыл побитой собакой, предупреждая о том, что скоро может завертеться что-то, что мне явно придется не по нраву.

— Стоять, — чуть ли не сплюнул Левый.

Я покорно остановился. Мы находились перед единственной металлической дверью, увиденной мной в этом месте. Она была массивной, тяжелой и, я бы даже сказал, неприступной. Таковую не выбьешь взрывом и уж точно не одолеешь магией.

Правый, все же сплюнув, подошел к створке и трижды постучал. С каждым ударом его лицо все отчетливее выражало затаенную душевную боль. Резкий скрип вывел меня из минутной прострации. Отодвинулась задвижка, и в отсветах факелов, играющих на тусклом камне и чер-

неющем металле, показались строгие глаза со стальным отливом.

— Привели? — спросил некто. В его голосе слышались предвкушение и отвращение.

— Да, старший малас, — с достоинством ответил Правый.

Задвижка с громким хлопком встала на место. Вскоре заскрипели замки и заскрежетали тяжелые петли. Дверь открылась, и я зажмурился от резкого света. Когда же мне довелось открыть глаза, то я увидел перед собой старца — никакое другое описание не подошло бы этому мужу. Он выглядел очень старым — у меня мелькнула мысль, что дуновение ветра способно стереть его в труху. Кожа местами казалась почти прозрачной, но ее полностью покрывали черные пигментные пятна, сверкающие на желтом пергаменте. Старец был невысокого роста, примерно мне по грудь, но его тонкие, как ветки куста роз, руки даже с виду тверды, словно Харпудов гребень. Он опирался на обычную палку, но один лишь взгляд на этого человека говорил о том, что своей палкой он пришибет тебя быстрее, чем ты сумеешь подумать о том, как сбить его голову с плеч. Редкие белесые волосы собраны в тугий хвост, а зубы редки и желты, как кость мертвеца. Но все же благодаря глазам со стальным отливом старец не казался развалиной, а внушал безмерное уважение.

— Старший малас. — Левый поклонился.

Старец не обратил внимания на второго стража и повернулся ко мне. Руки сами собой до белых костяшек сжали рукояти сабель. Я сделал шаг назад, разрывая дистанцию.

— Сойдет, — хмыкнул древний воин. В том, что некогда он был им, сомнений не возникало. — Заходи, халасит, а вы проваливать немедля.

Я все еще морщился, слушая речь, разбавленную нелепыми окончаниями, но все же понял, что «халасит» — это обращение ко мне любимому. Не знаю, ругательство это или нет, но в такие моменты спорить не с руки. Я спо-

койно сделал шаг вперед. Когда же мне посчастливилось обернуться, Левый и Правый уже понуро плелись обратно, бросая взгляды на закрывающуюся дверь.

Старик легко и непринужденно закрыл эту адскую створку и жестом указал мне дальнейший путь. Через пару шагов я очутился в просторном помещении, до отказа забитом людьми. На скамейках, точнее, на обычных сбитых лавочках, сидели полуголые мужчины. Как на подбор высокого роста, телосложения олимпийских атлетов, с грозными, но спокойными глазами. Все они занимались одним и тем же — натирали тела каким-то белым песком, разминались и подбирали себе доспехи. А доспехов здесь было превеликое множество. Однако в этом множестве не усматривалось ни одного металлического. Только кожаные, тканевые и какие-то то ли латунные, то ли медные. В общем, то еще барахло.

Глаза заслезились от мускусной вони пота, но ладони цепко держали сабли. Несмотря на то что стали в доспехах не имелось, у каждого из собравшихся здесь мужиков наличествовало оружие: длинный боевой нож, копье, пика, алебарда, боевой топор, молот, шестопер, боевые рукавицы, классический бастард и даже сабля. Каждый из полусотни был вооружен, а учитывая их узловатые мышцы, бугрящиеся, подобно кипящей воде, стальные канаты жил и минимум жира, можно было смело предположить, что пользоваться они им умеют.

В игривых плясках теней, отбрасываемых чадящими факелами по периметру помещения, я ощущал себя, словно в казарме Первого имперского легиона — самых отчаянных, самых прославленных и самых страшных рубак от Закатного до Рассветного морей. И это было страшно.

— Старший малас, — встал один.

— Старший малас! — тут же зазвучали голоса тех, кто заметил старца.

Спустя секунду все уже поднялись на ноги и поклонились моему сопровождающему. Тот вновь хмыкнул, об-

нажая провал практически беззубого рта. Махнул дланью, позволяя сесть, а потом повернулся ко мне. Со скептицизмом окинул взглядом мою фигуру, пощупал плечи и предплечья, взглянул на кисти и ладони, а потом ткнул в сторону доспехов.

— Выбирай. — С этими словами он удалился куда-то во тьму, но, почти скрывшись из виду, обернулся и добавил: — Все равно не помогать.

Когда помещение покинул некто «старший малас», я несколько напрягся, ожидая, что, как обычно, новенького станут пробовать на зуб. Но этого не произошло. Народ вернулся к своим занятиям. Кто сидел, прикрыв глаза и сложив руки на коленях, другие подтягивали завязки брони или высоких сапог на мягких подошвах, иные натачивали оружие, последние старательно натирали руки белым песком. На магнезию он похож не был, слишком крупные гранулы, но, видно, назначение то же.

Покачав головой, я подошел к стенду с бронью. Стянув с себя рубаху, тут же напялил льняную подкладку. Она плотно прилегалась к телу и обещала, что доспех не съедет во время резкого маневра. Далее я прошелся вдоль деревянных подставок. В итоге выбор пал на обычный кожух с клепками по плечам и бокам. Меня привлекло то, что тесемки были сбоку, а значит, если кожух будет разрезан внутрь, я всегда смогу его скинуть, дабы он не стеснял движения. Практичность — главное правило наемника в бою.

Напялив легкий кожаный доспех, я стал выбирать обувку. Арена наверняка посыпана песком, следовательно, жесткая подошва будет только стеснять шаг и нарушать равновесие. Я скинул свои ботфорты и стал внимательно осматривать те, что стояли на своеобразном стенде. В итоге выбор пал на мокасины с высоким голенищем. Такие не дадут песку попасть внутрь, но и не станут мешать при резком уклоне или уходе с линии атаки. Штаны я оставил свои — шаровары, купленные в Амхае, алиатском порту.

Закончив с амуницией, я протиснулся сквозь ряды атлетов и подошел к бадье с белым песком. Тщательно натер им ладони, запястья, лоб и шею. Ладони — чтобы рукояти не скользили от крови, запястья — традиция «Пробитого золотого», армии, где я служил, так сказать, на удачу. Лоб и шею — чтобы пот не заливал глаза и не разъедал тело.

Когда же и с этим было покончено, развязал тесемки простеньких ножен, положил руки на гарды и несколько раз подпрыгнул. Ничто нигде не хлопало, не дребезжало и не соскальзывало. Значит, все в порядке. Ну, не считая того, что мне придется биться если не на смерть, то за жизнь, — согласитесь, такая перспектива мало радует.

Присев на скамью, попытался немного поспать. Это у меня получилось, и вскоре разум заволокла сладостная дрема...

Очнулся я сам, без всяких команд. Да и сложно не прийти в себя, когда душу раздирает рев турбины, за который я принял трубное звучание горна. Полсотни мужей встали, подняв оружие, сверкая броней и напесоченной кожей. Лица их были направлены к противоположной стене, где не было ни факелов, ни стендов, ничего, что наличествовало в этом помещении. Из этого я сделал простой вывод, что это вовсе не стена. Поднявшись, я переместился в самый конец очереди. Меня все так же не замечали — вернее, замечали, но не обращали особого внимания.

Вот и второй низкий гул горна, в этот раз разбавленный протяжным скрипом цепей, стягивающихся под давлением ворота. Я верно догадался — недавняя стена стала раздвигаться, напоминая огромную крышку сундука, в котором заперли пятьдесят одного бойца. Сквозь шум и треск я стал все отчетливее различать крики и гвалт толпы, аплодисменты и топот ног о каменную кладку арены, смех и улюлюканье. Удивительно, но это лишь разгоняло бой сердца, заставляло жарче пылать кровь, бегущую по жилам.

Вот стена поднялась горизонтально, открывая проход, и все тут же побежали наружу. Побежал и я, с каждым шагом, с каждым движением ощущая ледяные касания Темного Жнеца, который явился сюда, неся за спиной мешок с душами, собранными за этот день. Я много не знаю об этом странном месте, но одно мне точно известно — от меня Жнецу сегодня ничего не обломится.

Свет, резкий, слишком яркий после недавней мглы, вновь заставил зажмуриться. А по ушам уже били вопли зрителей. Я тонул в них, буквально падал в бездну гомона, погружаясь так быстро, что не было шанса на спасение. Открыв глаза, я мгновением позже приоткрыл и рот.

Мы стояли на песчаном плацу, таком огромном, что захватывало дух. Здесь было примерно двести метров диаметра, а по краям высились десятиметровые стены, увенчанные скамьями с людьми. Помимо озера из песка, тут было море из людей. Тысячи, нет, десятки тысяч. Зрители бесновались, заходясь в неудержимом гоготе, но отсюда они казались колышущимися колосьями пшеницы на ветру. Вот подул ветер — и пошла волна, сгибающая их, потом еще порыв, вызывающий протяжный гул.

Среди гладиаторов изумлен был лишь я один, остальные выстроились в пять шеренг по десять человек и повернулись на север. Я все еще крутил головой, изучая навесы над первыми рядами, словно крыльями окинувшие арену; осматривая неровности песка, под которым лежали некие платформы; примечая в стенах прикрытые бойницы. А потом все вдруг смолкло. Только свист ветра и стук полусотни бьющихся сердец разбавляли эту тишину.

Там, в северном секторе, на самой его вершине, расположилась поистине царская ложа. Даже отсюда она сверкала золотом парчи и манящим теплом бархата. Вскоре в этой ложе появился человек, которого я не мог не узнать. Тот самый старик, чье лицо я увидел первым после пробуждения. Эти глаза, эти скулы, этот строгий вид невозможно забыть.

Старик встал у края ложи и развел руки в стороны,

будто желая обнять всех и каждого. Гладиаторы дружно поклонились. Я остался стоять прямо. Не в моих правилах гнуть спину перед боем.

— Жители Териала! — воскликнул старец, и его голос громом прокатился среди камня трибун и песка арены. — Я приветствую вас в священной крепости Термуна, где никогда не угасает пламя войны!

Народ выпрямился и стал бешено хлопать в ладоши, сдабривая аплодисменты криками и улюлюканьем.

— Двадцать лет! Столько времени прошло с тех пор, как мы видели полсотни халаситов, отважившихся просить чести стать воинами Термуна! Двадцать лет этот песок был сух и светел, ни капли крови не касалось его! Но в следующие четыре сезона не будет такой декады, когда его не окрасит пламя сражения! Сегодня я объявляю состязание открытым, и пусть будет найден достойный! Во славу Термуна!

— Во славу Термуна! — пролетело над людским морем.

— Во славу Термуна! — грохнули полсотни воинов, готовых проливать свою и чужую кровь.

«Бонг!» — раздался первый удар огромного гонга, установленного на южной стене.

Бойцы стояли, не двигаясь, лишь разминая плечи, покачивая шеями и хрустя пальцами. Я выдвинул сабли, задерживая на миг дыхание. Это подскажет организму, что он в экстремальной ситуации и действовать нужно незамедлительно. Я не знал местных правил и боялся даже шаг сделать: вдруг ошибусь и мне тут же всадят стрелу под лопатку.

«Бонг!» — второй удар.

Атлеты стали обнажать оружие, но пока стояли ровно, обратившись лицом к ложе, где рядом со стариком уже сидели еще несколько людей разного возраста и пола. На миг мне показалось, что я увидел там леди божественной красоты, но это было лишь видение, вызванное жаром песка и стуком крови в висках.

Я поднял голову и заметил в вышине сокола. Он парил над ареной, будто выискивая добычу. Да, не повезло тебе, дружище, что ты не падальщик. Свободный небесный хищник раскрыл клюв, но его протяжный писк заглушил третий удар гонга:

«Бонг!»

Вместе с этим отзвуком взорвалась трибуна, а вместе с ней — и песок арены. Я успел лишь моргнуть, а стоявший передо мной мужик всего одним взмахом ятагана снес голову находившемуся рядом соседу.

Моментально придя в себя, я отпрыгнул почти на метр, потом отбежал, ушел в перекат и замер. Согнулся, чуть выставив вперед правую ногу и отведя левую, сложил руки на рукоятях и максимально напряг плечи и поясницу. Но воины, казалось, не замечали меня. Они под вопли толпы ринулись друга на друга. Образовалась куча-мала. Так, возможно, выглядит сражение двух отрядов на поле брани.

Гомон зрителей не мог заглушить редкие крики людей, проигравших в этой королевской битве, где каждый сам за себя. Вот один пал, подломленный ужасающим ударом молота, смявшим кости. Ребра покойника вылезли наружу, орошая все вокруг алым градом. Другой проткнул соседа пикой, нанизывая его, словно речную рыбешку, разворачивая пузо и вытряхивая требуху. Но следом меж глаз нападавшего вонзилось окрашенное красным лезвие бастарда. Еще один лишился руки и попытался вгрызться в глотку противника, но мгновением позже упал без лица, а из рассеченного черепа на песок вытекла мутная серая жидкость.

Грохот толпы, ярость гладиаторов и писк сокола — все это сливалось в одно, захлестывая меня с головой. Когда-нибудь, если доведется сидеть у очага и вспоминать этот день, я решу, что поступил неправильно. Что мне стоило отбежать и затаиться, дожидаться, пока врагов станет меньше, перевести дух и составить свой план? Я решу, что ошибся, когда, обнажив сабли, ринулся в бой, оглашая

арену боевым кличем наемников из «Пробитого золотого». Но это будет позже, а сейчас я бросился в атаку, и сабли сверкали, подобно крыльям птицы.

Припав на колено, я пропустил над головой смертельный свист, сопровождавший лезвие боевого топора. С жаром и потаенным наслаждением всадил свои Лунные Перья в колени врага. Тот взвыл, будто голодный пес, и рухнул набок. Но еще его тело не коснулось песка, как в воздух взлетела отсеченная голова. Наука Добряка по-прежнему была со мной, и бил я лишь в три точки — в шею, колени и руки. Только удары в эти три места могли подарить не затяжную схватку, а скоротечный бой, где жизнь качается, будучи подвешенной за прохудившуюся нитку.

Резко вскинувшись, я расправленной дугой отодвинулся в сторону, пропуская за собой выпад острого жала, наконечником копья пронзившего пустоту. Глубоко вздохнув, развернулся на пятках, подныривая под древко, а потом вновь вытянул руки, изображая колосса. Рухнул очередной парень, но сперва от его плеч отвалились руки, а копьё безвольно покатилося по песку, который из золотисто-белого стал мутно-алым, вязким и пахучим.

А вокруг народ падал, будто выключаемый кем-то. Один за одним. Кто без рук, кто с пробитой грудиной, иные — со скошенной головой, а кто и со вторым ртом на брюхе, откуда красным языком свисают кишки.

Чувство опасности ледяным обручем сдавило голову, и я инстинктивно присел. В тот же миг надо мной прогремел сплюснутый воздух, а с ним явился черный блеск боевого молота. Я перекатился и распрямылся, заводя младшую саблю за спину. В этот раз бой будет сложнее, вот что подсказывает мне чутье.

Против меня вышел могучий воин, держа в своих мощных руках тяжелый боевой молот, с которого падали капли крови. Они красными жемчужинами катились по граням, теряясь в песке. Я выдохнул и сжал зубы. Волевым усилием, даже не сомневаясь, ускорил сердце, а со

вторым вздохом в суставных сумках появились пузырьки кислорода. С болью пришло и ощущение свободы, так было всегда, стоило мне применить технику ускорения.

Следующее движение показалось мне более медленным, но все равно молот сверкал с невозможной прытью. Я отошел в сторону, пропуская сокрушительный удар за правую руку. Однако мне не хватило мгновения: противник дернул запястьями, и его оружие едва не смяло мой бок.

Ласточкой я взмыл в воздух и ястребом рухнул ногами прямо на навершие молота. Воин не выпустил оружие из рук, и это его погубило. Оружие вошло в песок, а я, вытянувшись стрелой, вонзил перекрещенные сабли в глотку врага. Глаза его тут же закатились, щеки надулись, изо рта вырвалась пузырячатая алая пена. Одно движение, и голова молотобойца слетела с шеи. Но не было времени даже дух перевести.

Секундой позже я вновь взмыл в воздух, оставляя ни с чем обладателя боевых перчаток, украшенных пятнадцатисантиметровыми иглами. Приземлившись, тут же принял на блок мощный удар странного оружия, больше подходящего для убийства, чем для сражения.

Отойдя в сторону, лентой завил младшую саблю, и та змеей впилась в локоть обладателя инструмента земных ассасинов. Но на этом я не закончил. Легкое, почти танцующее движение запястьями — и, оказавшись спиной к спине с врагом, я вонзил старшую саблю ему в шею. Уши прорезал предсмертный хрип, а меньше чем через удар сердца я, отсекая противнику руку, закончил технику, слаженным ударом двух сабель лишив и это тело головы. «Змеиный шаг», мой излюбленный стиль, не подвел меня и в этот раз.

И вновь я в бою и вновь отражаю удары. То выпад шестопера, оставивший разрезы на коже, то укол бастардом, взвившимся у ноги, то страшный и хищный оскал топора, чуть не убавивший мне роста у шеи. И вот во второй раз я оказываюсь один на один.

Но теперь все проще, как мне показалось в тот миг.

Всего лишь обычный бастард, направленный прямо в брюхо, всего лишь знакомые стиль и стойка. Первый укол я лениво обошел полууклоном. Второй, режущий удар, пустил по кромке сабли, старательно выцеливая вражескую глотку. Но потом я буквально на одном чутье резко разорвал дистанцию.

Щеку будто огнем прижгло. Я ощутил, как по подбородку течет резвая струйка крови. Но что поразило больше всего — с клинка врага сорвались каменные иглы, которые чуть не превратили меня в ежика. Подобно ужу извиваясь меж этих бритвенно-острых игл, я все отходил от шока. Это была магия, но магия, от которой не пахло... магией. Я не чувствовал ничего, что всегда следовало за боевым волшебником: нагяделся этого в Академии. Возникало такое чувство, будто кто-то просто вырастил камни на своем клинке.

Недолго думая я пустил силу в клинки, намереваясь прижечь мерзавца молнией. Но только скривился, когда игла угодила мне в бедро, плотно засев в нем. Молний не было... Силы не было... Моей магии не было...

Окажись я в иной ситуации, выпал бы в осадок, быть может, даже запаниковал бы, но в бою на это не было времени. У меня в рукаве оставался лишь один козырь — собственная техника под названием «насмешка ветра». Та самая техника, которая чуть не убила меня в свое время.

И лишь я вспомнил о ней, как следующий взмах сабли, которым я намеревался отбить каменную иглу, вдруг заставил воздух задрожать. Пространство замерцало, будто уплотнившись, а потом с кромки старшего Лунного Пера сорвался ветряной серп. Глаза каменного мечника расширились от удивления, да так и застыли навеки. Его тело медленно и плавно, будто нехотя, разделялось на две половины, падая в разные стороны.

Руки в тот же миг налились свинцом, будто я вновь прошел штурм крепостной стены Мальгрома, стало сложно дышать. Следующий удар вполне мог стать для меня последним. Но тут прозвучало: «Бонг!»

И в мир словно вернулись звуки. Я услышал гомон толпы, тяжелые хрипы выживших, глухое бульканье умирающих, чья кровь толчками била из рассеченных артерий. Оглядевшись, среди груды тел, среди покрасневшего металла, среди ручьев крови и вязкого песка, прилипшего к гладиаторам, я увидел лишь десятерых. Десятерых стоящих на ногах. Все сверкали ранами и порезами, но все же гордо смотрели в сторону севера, прямо на золотую ложу.

Вывав из ноги каменную иглу, придерживая пострадавший бок, я встал рядом с живыми, оставляя мертвых за спиной. Стопы буквально утопали в размягченном от крови песке, а ветер задувал в глаза пот и все тот же песок.

— Первый раунд закончен! — оповестил всех старик. — Десять стойких проходят дальше, где их будут ждать новые испытания на пути к воинству Термуна! Засим я объявляю первый день состязания закрытым! Во славу Термуна!

— Во славу Термуна! — грохнула толпа.

— Во славу Термуна, — сквозь боль, но с достоинством процедили стоявшие гладиаторы, с которых ручьями катился не пот, а лилась кровь. Своя и чужая, но больше чужая.

— Что за демонщина? — сплюнул я, раз за разом пытаюсь воззвать к волшебству.

Но оно молчало, будто и не было его никогда. Что ж, вывод один — либо я стал обычным смертным, либо здесь нет магии. Так или иначе, мой первый день в долине Летающих Островов подошел к концу.

Глава 2 ЗАДНИЙ ДВОР

Прошло вот уже семь дней с тех пор, как закончилась битва на арене. Семь дней, в течение которых все, что я видел, — это край города и море облаков сквозь зарешеченное окно каморки, где поселили всех выживших.

Семь дней, полных умственных и физических метаний. Семь дней, когда ты уже не понимаешь, дотянулся ли ты до обманувшей тебя мечты или умер и попал в чистилище. Но начнем по порядку.

Когда зрители покинули трибуны, на песок вышли гвардейцы, подобные Левому и Правому. Они вместе со старшим маласом повели нас на задний двор этого комплекса. Двор этот был объемён по площади, но словно замурован в неприступные, высокие стены, коробкой смыкающиеся по периметру. Первое, что я тогда заметил, — плац и десятки разнообразных боевых снарядов. От механических манекенов до стоек, от подобия шведских стенок до настоящего арсенала у западной стены. Все это наводило только на одну мысль — это тренировочная зона. Клянусь всеми богами, в этот раз я хотел ошибиться в своих догадках, но не судьба. Я оказался прав.

В тот вечер нас расселили по каморкам, таким маленьким, что они больше походили на кладовки. Там стояли простецкие кровати с жесткими матрасами, стулья и... все. За исключением тяжелых решеток на окне, эти два предмета мебели — все, что можно было найти в каморке. После пары минут, отведенных на обживание минимума жилплощади, нас всей толпой в десять человек отвели в столовую. Так я мысленно назвал длинный стол с убогими скамьями, на котором стояли миски и кружки по количеству едоков. В качестве еды предлагалась питательная, но жутко невкусная серая желейная жижа. Всего после десяти ложек этой гадости я понял, что, во-первых, объелся, а во-вторых — меня либо вырвет, либо я потеряю сознание. Хорошо хоть в кружке плескалась обычная вода.

Как вы понимаете, у меня не было возможности поговорить со своими братьями по несчастью. Хотя бы просто потому, что они этот поворот судьбы, судя по их свтящимся мордам, принимали за великую честь и счастье. Да уж, странные тут дела творятся. В целом на этом пер-

вый день действительно заканчивался, и нам позволили отправиться почивать.

На следующее утро всех подняли с рассветом. Радует, что на Летающих Островах рассвет наступает несколько позже, чем на Земле, именно поэтому я успел неплохо выспаться и даже чувствовал себя готовым к новым свершениям. Увы, я был слишком наивен и самоуверен. Собственно, я всегда самоуверен, но это уже лирика.

Утром на стуле я обнаружил сложенный комплект вещей, что заставило меня в кои-то веки пожалеть о том, что больше нет магии. Об этом я старался не думать, так как на носу были более насущные проблемы.

Облачившись в самые простые холщовые штаны и шитую рубаху, я вышел в коридор. Там уже собрались остальные выжившие, одетые точно так же. Каждый держал в руках личное оружие, поэтому я незамедлительно метнулся в «номер», где прихватил сабли. Через десять минут все стояли на плацу.

К нам вышел тот самый ветхий, но суровый старик — старший малас. Он толкнул какую-то речь, посвященную воинству Термуна, но я так и не понял, к чему это и с чем это едят. А буквально через полчаса у меня уже не осталось сил на самоиронию и даже на самый плешивый юморок.

Первым делом нам пришлось раздеться, оставшись в подштанниках. Тут я натуральным образом выпал в осадок. На телах выживших не было ни единого шрама или повязки, а ведь я точно помнил, что бой на арене не дался им так просто, как мне. Окончательно меня добил тот факт, что и моя шкурка сияла цельностью какого-нибудь дворцового вельможи. Ни одного «украшения мужчины» более не сверкало на мне. Ни наследия Мальгрота на боку, ни уродства Харпудова гребня на спине, ни десятка иных отвратительных в своей белизне черт. Все это было неожиданно и странно, но мне вновь не дали подумать.

Старший малас тростью указал нам на вбитые в землю бревна. Эти деревяшки, если так можно выразиться,

были мне всего лишь по пояс, что заставило меня улыбнуться. Как вы поняли, я вновь проявил излишнюю самоуверенность. Бревна оказались вкопаны в землю ровно в половину своих истинных габаритов. Нам пришлось их выдирать, обняв, словно мать родную. Когда же я пытался под шумок выкопать бревно, то получил ошущимый удар тростью по спине. Обливаясь потом, ощущая, как глаза вылезают из орбит, за полтора часа работы я все же выдрал из земли этот столб, что, кстати, стало не самым лучшим результатом.

После такого упражнения шел трехминутный отдых, в течение которого обычные невзрачные служанки в цветастых нарядах подавали нам эту мутную, рвотную жижу. Отдохнув, мы вновь приступили к упражнениям. Теперь, взвалив бревна на плечи, мы должны были бегать по плацу. Весом они едва-едва не доходили до сотни кило, так что после дюжины кругов я просто плелся, на автомате перебирая ногами. Люди падали. К таким по указке подбегали служанки, поднося жижу. Люди вставали. Я не рисковал падать. Не знаю почему, но я просто плелся эти двадцать кругов, а потом рухнул, обливаясь потом и кровью со стертых под мясо плеч.

Вновь жижа, опять три минуты отдыха. После чего растяжки. Вы видели тот знаменитый фильм с Ван Даммом, в котором его буквально тетивой тянут подвешенным за ветки? У нас происходило нечто подобное. И это был кошмар, такой боли я не испытывал еще ни разу в своей жизни. В какой-то момент я просто потерял сознание, но очнулся от мерзостного вкуса «еды».

После растяжек нам выделили полчаса на отдых. Остальные гладиаторы ходили словно зомби, с пустыми глазами, облитые потом, кровью и заляпанные песком. Сидеть было нельзя. Если честно, я выглядел точно так же. Но минул и этот отрезок времени, после чего нас заставили сражаться.

Клянусь своим выдуманном именем, в тот миг я понял, что в этом мире царствует его величество Бред. Как

я уже сказал, здесь не было магии, но старший малас ударил тростью о землю — и перед каждым из нас выросла точная песчаная копия. Предо мной стоял... я, сжимая в руках мои же сабли. Так начался ад...

Мы сражались и сражались, падали, не имея шанса одолеть копию самих себя. Нам подавали жижу, и мы вновь вставали, чтобы опять рухнуть с цветущим синяком. Так мы провели все время до первой звезды. После нас буквально волоком оттащили в бани, где нас омыли служанки. Меня уже не смущал ни факт омовения, ни нагота, я еле удерживался на краю сознания, балансируя, словно канатоходец над пропастью. Через полчаса я осознал себя лежащим на жестком матрасе. Сон пришел мгновенно.

Та же процедура повторилась и на следующий день, и на третий, и на последующий, да и вообще каждый божий день — одно и то же. Жижа, бревно, бег с бревном, растяжки, бой с тенью, баня, сон. В какой-то момент я даже стал мечтать о нем, об этом сне, потому что он уже давно стал походить на смертное забытье.

И вот сегодня, на седьмой день, у нас было что-то вроде выходного. Утром всего лишь вытаскивание бревна и бег с ним, потом какие-то медитации, в которых нам нужно было найти свою стихию (что за бред?), а после — настоящий ужин. И когда я говорю ужин, то имею в виду не жижу, а нормальную пищу. На столе я увидел мясо неизвестного животного, овощи, фрукты, даже какой-то сок из терпких фруктов. В действительности это была простенькая трапеза, но она мне тогда показалась чуть ли не королевским пиром. Боги, с какой жадностью я впивался зубами в свежее мясо, чувствуя, как его сок стекает по губам и подбородку! С каким остервенением набрасывался на хрустящие овощи и с какой жаждой цедил каждый глоток сока! Клянусь, в тот миг я выглядел, словно варвар с северных гор, дорвавшийся до пищи после недельной голодовки.

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>Пролог</i>	5
<i>Глава 1.</i> Во славу Термуна	7
<i>Глава 2.</i> Задний двор	31
<i>Глава 3.</i> Скульптор	56
<i>Глава 4.</i> Дни тьмы	81
<i>Глава 5.</i> В ножнах	106
<i>Глава 6.</i> Только один	132
<i>Глава 7.</i> Черная кровь	165
<i>Глава 8.</i> Шагая по облакам	193
<i>Глава 9.</i> Дом	215
<i>Глава 10.</i> Тиха последняя ночь	274
<i>Эпилог</i>	302